

ВОПРОС о школе, о сельской школе в особенности, принадлежит, несомненно, к самым сложным и важным проблемам нашего времени, я бы даже сказал, к проблемам века. И «Комсомольская правда» делает поистине благородное дело, постоянно обращаясь к жизни школы, к вопросам преподавания, подготовки учителей, заинтересованности учащихся.

К сожалению, на все вопросы анкеты я ответить не могу: у меня давно уж нет живой связи со школой.

Едва ли сейчас целесообразно распространяться и об опыте сорокалетней давности той, впервые созданной в сельском районе школы, которую я окончил, да где — в глухом лесном краю, в 400 верстах от ближайшего города.

Скажу только одно: при всех недостатках сельской школы — и тогда, и ныне — я бы и сейчас ни за что, ни в каком разе не променял ее на городскую. Ибо природа, национальный уклад жизни, народная культура и язык, которые в наиболее первозданном виде сохранились в деревне, — все это имеет неоценимое и ни с чем не сравнимое значение для этического и эстетического воспитания личности.

Я приветствую всякий деловой и конструктивный разговор о школе. С интересом читаю статьи об организации учебного процесса, о программах, о профессиональной ориентации учащихся, но первейшая роль в школьном деле, конечно же, принадлежит

учителю. Именно от его таланта, от масштабности и богатства его личности, от его душевной щедрости во многом зависит духовный климат школы, тот нравственный тип человека, который она выращивает. И тут мне хочется вспомнить о своем незабвенном учителе — Алексее Федоровиче Калининцеве.

Жизнь не обделила меня встречами с так называемыми выдающимися людьми. Я слушал лекции у знаменитых профессоров и академиков, которые стали гордостью отечественной науки, я общался и общаюсь с крупнейшими писателями, художниками, артистами страны, мне не раз доводилось беседовать с государственными и партийными деятелями. Но никто, ни один человек не оказал на меня столь могучего нравственного воздействия, как сельский учитель Алексей Федорович Калининцев.

Все поражало нас, школьников, в этом немолодом уже человеке. Поражали феноменальные по тем далеким временам знания, поражала неистощимая и в то же время спокойная, целенаправленная энергия, поражал даже самый внешний вид его, всегда подтянутого, собранного, праздничного.

Никогда не забуду свою первую встречу с Учителем.

Был мартовский воскресный, морозный и ясный, день 1934 года, и я, четырнадцатилетний деревенский паренек, с холщовой котомкой за плечами, в которой вместе с бельешком была какая-то пара ячменных сухариков (тог-

Ф. А. АБРАМОВ, писатель, лауреат Государственной премии СССР:

«Никогда не забуду первую встречу с Учителем»

да ведь была карточная система — 300 граммов хлеба на иждивенца), в больших растоптанных валенках с нити старшего брата, впервые в своей жизни вступил в нашу районную столицу — Карпогоры. Тогда это было обыкновенное северное село, но все мне казалось в нем удивительным: и каменный магазин с железными дверями и нарядной вывеской, и огромное, по моим тогдашним представлениям, здание двухэтажной школы под высоким, мохнатым от снега тополем, где мне предстояло учиться, и необычное для моей родной деревни многолюдье на главной улице. Но, помню, все это в миг забылось, перестало для меня существовать, как только я увидел его, Алексея Федоровича.

Он не шел, он шествовал по снежному утоптанному тротуару, один-единственный в своем роде — в поскрипывающих на морозе ботинках с галошами, в темной фетровой шляпе с приподнятыми полями, в посверкивающем пенске на красном от стужи лице, и все, кто попадался ему на встречу, — пожилые, молодые, мужчины, женщины, все кланялись ему, а старики даже

шапку с головы снимали, и он, всякий раз слегка дотрагиваясь до шляпы рукой в кожаной перчатке, отвечал: «Доброго здоровья! Доброго здоровья!»

Такого я еще не видывал. Не видал, чтобы в наши лютые морозы ходили в ботинках, в шляпе, чтобы все от мала до велика так единодушно почитали человека.

Да, Алексей Федорович умел поддержать свое реноме народного учителя: самая обычная прогулка по району у него превращалась в выход, но, конечно, великую любовь и уважение к себе моих земляков он снискал прежде всего своим беззаветным, поистине подвижническим служением на ниве народного просвещения.

Еще задолго до революции окончив учительскую семинарию, он, наделенный незаурядными, а может быть, редкими, даже исключительными способностями, сознательно, по убеждению, пошел, как говорили тогда, в народ и вот свыше четверти века учительствовал у нас, на Пинежье, в одном из самых глухих районов Архангельской области.

Не буду говорить обо всем, что он сделал за свою жизнь.

Да это и невозможно в рамках газетной статьи. Ведь помимо чисто учительской работы он еще многие годы занимался ликвидацией неграмотности среди взрослого населения, постоянно выступал с лекциями и беседами на самые разнообразные темы. А самостоятельный драмкружок при районном клубе? А первый струнный оркестр в райцентре? А школьный опытный участок, который долгие годы был рассадником агрономических знаний среди крестьян? Все это и еще многое, многое другое было делом рук его, Алексея Федоровича. Воистину он был первым воином и знаменосцем у нас, на Пинежье, того великого движения 20—30-х годов, которое принято называть культурной революцией.

Та же многогранная, та же разносторонняя деятельность характеризовала Алексея Федоровича и как преподавателя.

В тридцатые годы в стране не хватало учителей, тем более на вес золота были они у нас, в лесной глуши. И вот Алексей Федорович для того, чтобы не сорвать в школе учебный процесс, годами осваивал предмет за предметом.

Он вел у нас и ботанику, и зоологию, и химию, и астрономию, и геологию, и географию, и даже немецкий язык. Немецкий язык он выучил самостоятельно, уже будучи стариком, выучил с единственной целью, чтобы дать нам, первым выпускникам школы, хоть какое-то представление об иностранном языке.

А как назвать, какой мерой измерить то, что он делал для нас как преподаватель дарвинизма! Один-единственный учебник на весь класс! И все же мы знали предмет, знали учебник. По конспектам, составленным Алексеем Федоровичем.

Чтобы понять, что это был за труд для нашего учителя, я должен заметить, что ему нелегко было выставлять даже отметки в классном журнале. Старая, пораженная ревматизмом рука его при этом тряслась (я и сейчас, спустя сорок лет, слышу это потрескивание пера в напряженной тишине затанцевавшего дыхания класса), подслеповатые, близорукие глаза только что не бороздили лист бумаги, и всегда сияющая, словно излучающая свет его лысина становилась малиновой от натуги. И вот как, когда, каким

образом этот полунивалид-старик мог написать конспект очередного раздела учебника, который мы проходили, да еще не в одном экземпляре, а в пяти, да с рисунками, это для меня и доселе остается загадкой.

Хорошо поклониться святыне! Человеку это нужно в любом возрасте, в любом звании. И я завидую, безмерно завидую тем, кто может постоять с обнаженной головой у могилы своего любимого учителя. Мы, пинежане, сделать этого не можем. Мы, пинежане, не уберегли нашего Учителя. Он пал жертвой подлой клеветы и наветов, и мы даже не знаем, где и как окончил он свои дни.

Алексей Федорович Калининцев — явление, конечно, необычное. Самородок, подвижник, русский интеллигент в самом высоком значении этого слова. И звать к тому, чтобы все учителя были Калининцевыми, — бессмысленно. Но одно мы вправе требовать от каждого учителя — преданности своему делу. А преданность и энтузиазм возможны только при одном условии — при условии, что в педвузы будут принимать людей по призванию. Понятно, этого принципа должны придерживаться все вузы без исключения, но пединституты, думаю, — в особенности.

Другая мысль, которая сама собой напрашивается, когда я обращаюсь к светлой памяти моего Учителя, мысль, впрочем, тоже не очень новая — о пополнении нынешней армии учителей мужчинами.

Сейчас постоянно слышишь: дисциплина в школе упала, авторитет учителя пошатнулся. А почему? Почему — упала? Почему — пошатнулся? Кто хоть раз понастоящему, всерьез проанализировал причины? Общеизвестно: школа — зеркало общества. Но лично я думаю, многие беды современной школы связаны с тем, что она по своему преподавательскому составу стала в основном женской. Мне, например, известны школы, и таких немало, где нет ни одного мужчины-учителя. И это плохо, это ненормально! Это ведет к всевозможным перекосам и перегибам, придает одностороннее направление всему школьному воспитанию.

Комсомол, «Комсомольская правда» давно уже зарекомендовали себя как инициаторы многих важных начинаний в нашей стране. А почему бы комсомолу и «Комсомольской правде» решительнее не взяться за привлечение юношей в педвузы? Почему бы жилищное, бытовое и прочее устройство молодых учителей-холостяков на селе — а оно там, за редким исключением, никуда не годится, — почему бы все это не взять комсомолу в свои руки?

Великое это дело школа. Нет в нашем обществе фигуры более важной, чем учитель. И как тут не вспомнить слова моего старого Учителя, который любил в торжественные минуты говорить:

— Учитель — это человек, который держит в своих руках завтрашний день страны, будущее планеты.